

- [профессор А. П. Лопухин ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [*](#)
 - [**](#)

Введение

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#)

В ряду исторических книг Ветхого Завета после книги Судей в греческой (LXX), латинской (Vulg.) и славяно-русской Библии помещается книга Руфь (LXX: Ρούθ, Vulg.: Ruth). «Восьмая книга Ветхого Завета»: *Руфь* называется так потому, что содержит историю Руфи. Руфь была родом моавитянка; но отказавшись от родства и отеческого суеверия, она обратилась к истинному Богопочитанию и переселилась в Вифлеем Иудейский; там сочеталась браком с Воозом, из колена Иудина. От нее производится родство Давида таким образом: Вооз от Руфи родил Овида, Овид – Иессей, Иессей – Давида» (Синописис Афанасия). В еврейской же Библии кн. Руфь стоит в третьей части ветхозаветного канона – в разделе агиографов, «кетубим», занимая в ряду их пятое место (после кн. Псалмов, Притчей, Иова и Песни Песней). Последнее положение кн. Руфь в Библии, надо думать, было первоначальное; помещение ее в греческой Библии между книгами Судей и Царств могло быть вызвано тем, что описанное в

ней происшествие относится ко времени Судей, а по указанному отношению Руфи к Давиду книга является, по блаж. Августину (Христ. наука, кн. 2, гл. 13), началом или преддверием к книгам Царств, изображающим историю царского дома Давидова; притом присоединением книги Руфь к кн. Судей (как кн. Плач Иеремии к кн. Пророка Иеремии) достигалось общее число книг Ветхого Завета 22 (равное числу букв еврейского алфавита), принимаемое И. Флавием («О древности иудейского народа» – Против Апиона I, 8), иудейскою синагогою и некоторыми учителями церкви ([Ориген](#), блаж. Иероним, св. Епифаний)¹.

Характерное отличие книги Руфь от других книг библейских состоит в том, что содержание одинаково чуждо как основному руслу исторической жизни Израиля, изображаемой в исторических и пророческих книгах Ветхого Завета, так и вдохновенному умозрению и священно-лирическому излиянию вечных чувств человеческого сердца в книгах учительных (Псалмы, Притчи, кн. Иова, Песнь Песней, Екклезиаст): книга Руфь переносит читателя в тесный круг древнееврейской семьи, необычайно живо и привлекательно изображая судьбу, испытания и нужду, а равно добродетели и конечное прославление главного действующего лица – моавитянки Руфи, через брак с вифлеемлянином Воозом вошедшей в народ Божий и удостоившейся быть прабабкой царя Давида. По характеру содержания, по отчетливости характеристик и способу изложения книга Руфь напоминает разве некоторые сцены из жизни патриархов книги Бытия; по внешней форме ее справедливо называют древнееврейским рассказом из сельского быта, идиллической семейной картиной, полной самой искренней простоты и наивности. При всем том кн. Руфь в двух пунктах соприкасается с общеизраильской историей: в исходном пункте рассказа – удалении еврейской семьи вифлеемлянина Елимелеха в землю моавитскую вследствие постигшего страну евреев голода ([Руф.1:1–2](#)), а еще более – в конечном – родословии царя Давида ([Руф. 4:17–22](#)) – в конце книги (ср. [1Пар. 2:5–10](#)), какое родословие со включением имени Руфи внесено и в евангельское родословие Господа ([Мф. 1:4–6](#)). Эта историческая черта книги – связь с генеалогией Давида (нарочито оттеняемая в ([Руф. 4:17](#))) – была причиной внесения книги Руфь в ветхозаветный канон; а так как Давид был праотцом Иисуса Христа и родословие Давида есть необходимая часть родословия Спасителя, то очевидна важность книги Руфь и с новозаветной точки зрения, со стороны исторических основ христианства. В этом смысле блаженный Феодорит на вопрос «для чего

написано сказание о Руфи?» отвечает: «во-первых, ради Владыки Христа; потому что от Руфи произошел Он по плоти. Почему и божественный Матфей, пиша родословие, миновал знаменитых добродетелию жен Сарру, Ревекку и других, упомянул же о Фамари, о Рааве, о Руфи и даже о жене Урииной, вразумляя сим, что едиnorodный Божий Сын вочеловечился ради всех человеков, и Иудеев, и прочих народов, и грешных и праведных» (Отв. на вопр. I на книгу Руфь, рус. пер., М., 1855. с. 313, ср. блаж. [Иеронима Стридонского](#). Четыре книги толкований на Евангелие Матфея. Творен., ч. 16-я рус. перев. Киев. 1901, с. 7). Вместе с тем, по блаженному Феодориту, «хотя и ради Владыки надлежало быть написанным сказание о Руфи, однако же история эта и сама по себе достаточна к тому, чтобы принести всякую пользу умеющим пользоваться подобными повествованиями; потому что описывает нам тяжкие несчастья и достохвальное терпение Ноемини, целомудрие и любовь к свекрови ее невесток, преимущественно же Руфи, которая, по сердечному благочестию и в память супруга, престарелую и дряхлую женщину предпочла родителям. Показывает также история сия и добродетель Вооза» (вопр. I на кн. Руфь, с. 314–315). Вообще, «изложение и композиция в этом рассказе просты и наглядны, отличаются таким эпическим тоном, что совершенно ошибочно и неосновательно относить сочинение книги к имевшему преимущественно законодательный характер времени после плена, так как ведь все в ней ясно свидетельствует о первоначальной поре еврейской семейной жизни». Так, напрасно усматривали в книге Руфь тенденцию поддержать обязательность левиратного (ср. [Втор. 25:5–10](#)) брака (Benary, De hebraeorum leviratu, 1835; Bertholdt, Enleitung...): если и действительно брак Руфи с Воозом ([Руф. 2:20, 4:10–17](#)) был левиратным (лат. levir – деверь) в древнееврейском смысле ([Быт. 38:7–11](#)), (ср. [Втор 25:5–10](#)) – хотя, строго говоря, он не может быть назван так, потому что Вооз не был братом умершего мужа Руфи, – то во всяком случае эта черта является совершенно случайной в повествовании книги и с главной нитью рассказа в существенной связи не стоит. Равным образом нельзя видеть в книге Руфь со многими исследователями (Geiger, Urschrift u. Übersetzungen der Bibel, 1857, s. 49 ff, Bertholet, Stellung der Israeliten z. Fremden, s. 145 ff; Graetz, Geschichte der Juden II, 2, s. 136 ff; Nowack, Handkommentar z. Aeltesten Test. Richer – Ruth, 1900, s. 184–185 и др.) протест против после пленного ригоризма Ездры ([1Езд. 9–10](#)), Неемии ([Неем. 13:23–31](#)) и их единомышленников, не допускавших браков иудеев с иноплеменицами, причем, предполагается, пример великой праматери великого Давида, Моавитянки Руфи был наилучшим обличением неправоты тех ревнителей

буквы закона ([Втор. 23:3](#); [Исх. 34:16](#)). Но, независимо от искусственности предположения такого протеста, после пленное написание книги Руфь невероятно уже по самому, выше показанному, характеру ее содержания и изложения; не доказывают столь позднего происхождения книги Руфь и помещение ее в 3-й части ветхозаветного канона (вопреки мнению Uatke, *Histor. – Kritisch. Einleitung in d. A. T.*, 1886, 438 ff. и др.), так как в этой части находятся книга Псалмов, Притчей и др. допленного происхождения, как не доказывают того и встречающиеся в еврейском тексте книги халдеизмы, имеющие место и в древнейших библейских книгах. Напротив, за древнее происхождение книги Руфь, именно при первых царях еврейских, говорят следующие данные самой книги: 1) образ выражения ([Руф. 1:1](#); ср. [Суд.19:1](#)) «в те дни, когда управляли судьи...» показывает, что происшествя, описываемые в книге из времени Судей, не слишком далеко отстояли от времени священного писателя книги; 2) родословие в ([Руф. 4:17–22](#)) доводится только до Давида; если бы написание книги относилось к более поздней эпохе периода царей, то ничто не мешало бы внесению имен царственных потомков Давида (после же плена вообще не было смысла в изображении родословия одного Давида); 3) только в отношении Давида имел значение подробный рассказ книги о прамати Давида; не без основания указывают при этом на случай из жизни Давида ([1Цар. 22:1–3](#)) (во время преследований Саула Давид помещает своих отца и мать у Моавитского царя), показывающий, что воспоминание о Моавитском происхождении прамати Давида было свежим как у него самого, так и у его современников. Авторитет LXX-ти, поместивших книгу Руфь в библейском кодексе непосредственно за книгою Судей и перед 1 кн. Царств, а равно и свидетельство Талмуда (тракт. *Baba-Batra 14, b.*), что писателем книги Руфь был Самуил, убеждает нас, что «написание книги принадлежит времени царя Давида и сделано одним из бывших тогда пророков»².

**профессор А. П. Лопухин **

Толковая Библия

Толкование на книгу Руфь

Глава 1

1–6. Переселение вифлеемлянина Елимелеха с семьей в землю моавитскую и бедствия, постигшие там эту семью. 7–22. Возвращение Ноемини с невесткой Руфью в Святую землю и прибытие их в Вифлеем.

[Руф.1:1](#). В те дни, когда управляли судьи, случился голод на земле. И пошел один человек из Вифлеема Иудейского со своею женою и двумя сыновьями своими жить на полях Моавитских.

Время описанных в книге Руфь событий определяется общими и неопределенными датами: «когда управляли судьи», т.е. в один из моментов периода Судей (обнимавшего, по [Деян. 13:20, 450](#) лет), – и когда: «случился голод на земле» (т.е. в Палестине, земле Израиля), многократно посещавший Святую землю в библейские времена (напр., [Быт. 12:10, 26:1, 45:6](#); [2Цар. 21:1](#)). Обе даты имеют не столько хронологический смысл, сколько указывают на характер времени Судей, на отсутствие тогда у евреев централизованной власти государственной (ср. [Суд. 17:6, 18:1, 19:1, 21:25](#)), когда каждый член народа был предоставлен себе самому и в пору общественных бедствий – голода (как здесь), неприятельских набегов и т.п., должен был действовать на свой страх, сам обеспечивая себе благополучие (ср. [Суд. 18:1](#)); подобным образом и поступает здесь Елимелех, оставляя родной Вифлеем и удаляясь с семьей на чужбину, в землю моавитскую, «чтобы пожить (там) в качестве пришельца» (еврейский глагол gir, ср. [Быт. 12:10, 19:9, 20:1](#); [Суд. 17:7, 19:1](#); [Плач. 4:15](#)), отсюда «ger» – пришелец, прозелит). Раввинское толкование справедливо порицает Елимелеха за оставление своих «собратьев» (сограждан, единоплеменников), усматривая в злключениях и смерти Елимелеха на чужбине Божественное наказание ему за оставление святой земли (D. Midrasch Ruth Rabba, in deutsch. ubertragen v. A Wunsche, Leipzig, 1883, s. 15). Напротив, раввинские попытки определения времени переселения Елимелеха произвольны и неудачны, напр., полагали это событие на время Варака и Деворы ([Суд. 4–5](#), причем в «судьях» (schophetim) [Руф. 1:1](#) видели указание на Девору, Варака и Иаиль), – на время судьи Аода ([Суд. 3:15–30](#)), в современнике которого Еглоне, царе моавитском, видели отца моавитянки Руфи; относили также ко времени судьи Есевона (преемника Иеффая), с которым отождествляли Вооза, на том основании, что оба жили в Вифлееме ([Руф. 2:1–4](#), ср. [Суд.12:8, 10](#)) и т.д. (Midr. Ruth Rabba, s. 10. 19). В действительности единственной точкой

опоры для установления времени описываемых в кн. Руфь событий может быть только родословие Давида, приведенное здесь ([Руф. 4:17–22](#)): по нему Давид был правнук Вооза и Руфи через Овида и Иессея, следовательно, период времени, протекший от событий книги Руфь, равен приблизительно ста с лишним годам, что подтверждается и свидетельством Иосифа Флавия, который относит переселение Елимелеха (Ἀβιζέλεχος, по Иосифу Флавию) к годам правления судии и первосвященника Илия (Иудейские Древности V, 9, 1–4). – Вифлеем (евр. Bet-lechem – «дом хлеба»), прежде ([Быт. 35:16, 19, 35:7](#)) называвшийся Ефрафа (евр. Ephratah – «плодоносная»), но и впоследствии сохранявший древнейшее название с синонимичным ему по значению позднейшим ([Руф. 4:11](#); [Мих. 5:2](#)), лежал, судя уже по названию, в одной из самых плодородных местностей Палестины; по Евсевию и блаж. Иерониму, в 6 римских милях, т.е. около 8 верст (римская миля равна 694 саж.), к югу от Иерусалима (Onomastic. 260; русск. перев. Прав. Палест. Сбора, вып. 37-й с. 41), что вполне подтверждается расстоянием теперешнего селения Вифлеем, по-арабски Бет-лам (с 7000 исключительно христианского населения), от Иерусалима (см., напр., Cuerin, Description de la Palestine 1868, I, 120 sqq. Ср. проф. [А. А. Олесницкого](#), «Святая Земля», т. II, Киев, 1878 г., с. 73 и д.). К евангельскому времени и, конечно, гораздо ранее Вифлеем обычно назывался городом Давидовым ([Лк. 2:4, 11](#)), не без влияния рассказа книги Руфь (ср. [Руф. 4:17–22](#)). В отличие от другого Вифлеема – в колене Завулоновом ([Нав. 19:15](#)), Вифлеем, будущая родина Давида, назван здесь, [Руф. 1:1](#), и в [1Цар. 17:12](#); [Мих. 5:2](#) Вифлеемом Иудейским, слав. «Вифлеем Иудин» (евр. Bet-lechem Iehudah).

[Руф.1:2](#). Имя человека того Елимелех, имя жены его Ноеминь, а имена двух сынов его Махлон и Хилеон; *они были Ефрафяне из Вифлеема Иудейского. И пришли они на поля Моавитские и остались там.*

Семья Елимелеха была очень известна в Вифлееме ([Руф. 1:19](#)), имела и относительный достаток ([Руф. 1:21](#)). Самое имя Елимелех (с евр. «Бог мой царь»), по мнению некоторых, указывает на знатное происхождение лица, носившего это имя. По происхождению имя это справедливо сближается с упоминаемым в Тель-Амарнских письмах (клинописях, открытых в Египте в 1887–1888 гг.) именем одного хеттейского князя (в южной Палестине) Илимилки или Милкили³. И. Флавий передает имя Елимелех Ἀβιζέλεχος, сближая таким образом Елимелеха с именем филистимских царей. Имена жены Елимелеха, Ноемини и обеих сыновей тоже очень знаменательны. Ноеминь, евр. Noomi – «прелестная, приятная, счастливая» (ср. [Руф. 1:20](#)), где это имя противопоставляется по значению

другому: «Мара» – «горькая»), ибо, замечает Мидраш (s. 17), «дела ее были прекрасны и приятны». Махлон и Хилеон (слав. Маалон и Хелеон) некоторыми (Мидраш, цит. м.; Geiger, s. 50) толкуются: «болезнь и истощение» (от евр. Chalah и Kalah), чем могла бы быть обозначена ранняя смерть ([Руф. 1:5](#)) обоих сыновей Елимелеха (Мидр. цит. м.). Однако такое соответствие значений имен (хотя оно еще спорно вследствие разных значений, усвояемых одному и тому же имени) не говорит против исторического значения рассказа кн. Руфь, так как совпадение этого рода, без сомнения, не намеренное. – «Ефрафяне», слав. «ефрафейстии» – то же, что «Вифлеемляне» (ср. [1Цар. 17:12](#), где ефрафянином назван Иессей), жители Вифлеема, древнего Ефрафы, а отнюдь не «Ефремляне» (ср. [Суд.12:5](#); [3Цар. 11:26](#); [1Цар. 1:1](#)), как ошибочно понимает Мидраш (s. 17).

[Руф.1:3](#). И умер Елимелех, муж Ноемини, и осталась она с двумя сыновьями своими.

Елимелех умер в земле моавитской, вероятно, вскоре после прибытия туда, и брак сыновей его имел место уже после смерти. Ноеминь осталась вдовой, «как остаток бескровной жертвы» (Мидраш, s. 18).

[Руф.1:4](#). Они взяли себе жен из Моавитянок, имя одной Орфа, а имя другой Руфь, и жили там около десяти лет.

[Руф.1:5](#). Но потом и оба [сына ее], Махлон и Хилеон, умерли, и осталась та женщина после обоих своих сыновей и после мужа своего.

Смерть отца не побудила семейство его возвратиться; напротив, оба сына Елимелеха теперь еще прочнее устраиваются на чужбине: женятся на моавитянках: старший, Махлон, – на Руфи ([Руф. 4:10](#)), а второй, Хилеон, – на Орфе. Значение имен невесток Ноемини понимается неодинаково. Орфа (евр. Orpah, LXX: Орφά), по Мидрашу (s. 19), названа так потому, что поворотила спину (ogeph) своей свекрови, т.е. оставила ее ([Руф.1:14](#); ср. [Иер. 2:27](#)); Гезениус производит это имя от арабского корня urf – «грива», Симонис сближает с orphrah – «лань». Руфь (евр. Ruth) в Талмуде (Baba Batra 14, b.) толкуется: «успокаивающая» (от глагола ravah): «ибо от нее произошел Давид, который успокаивал Святого псалмами»; в Мидраше (s. 19): «оказавшая внимание» свекрови (от глагола gaah, видеть, воззреть); но наиболее принято (Гезениус, Гейгер, Филиппсон и др.) производство от геа – ближний, женский род geuth, ближняя (т.е. близко родственная, любящая в отношении Ноемини); последнее производство имеет за себя чтение сирского перевода (Reuth). Женитьбу на иноплеменницах и идолопоклонницах ([Руф. 1:15](#)), запрещенную законом ([Исх. 34:16](#); [Втор. 7:3](#)), ср. относительно моавитян ([Втор. 23:3](#), [Суд. 10:6](#)), таргум и вообще иудейское предание считает причиной ранней и бездетной смерти

Махлона и Хилеона, хотя, ради высокого значения праматери Давида Руфи, полагает, что запрещение ([Втор. 23:3](#)) принимать в общество Иеговы моавитян относится к мужскому полу этой народности; как видно из [Руф. 1:16](#), Руфь приняла веру Израиля уже по смерти мужа и по возвращении Ноемини в Вифлеем. – Десять лет продолжался, вероятно, голод в Израиле, и столько же длилась супружеская жизнь сыновей Ноемини (ст. 4).

[Руф.1:6](#). И встала она со снохами своими и пошла обратно с полей Моавитских, ибо слышала на полях Моавитских, что Бог посетил народ Свой и дал им хлеб.

[Руф.1:7](#). И вышла она из того места, в котором жила, и обе снохи ее с нею. Когда они шли по дороге, возвращаясь в землю Иудейскую,

После смерти Махлона и Хилеона семья обеднела. Тогда Ноеминь узнает, что Иегова, по мере верности или неверности Ему Израиля посылавший ему плодородие и голод ([Втор. 28:47–48](#)), «посетил», «пакад», (ср. [Быт. 21:1](#); [Исх. 4:31](#); [1Цар. 2:21](#)), т.е. милостью – дарованием урожая хлеба, и немедленно оставляет моавитскую землю и направляется, в сопровождении обеих невесток, в Иудею.

[Руф.1:8](#). Ноеминь сказала двум снохам своим: пойдите, возвратитесь каждая в дом матери своей; да сотворит Господь с вами милость, как вы поступали с умершими и со мною!

[Руф.1:9](#). да даст вам Господь, чтобы вы нашли пристанище каждая в доме своего мужа! И поцеловала их. Но они подняли вопль и плакали

По мере приближения к границе Моавитской земли с Иудейской Ноеминь пытается советовать невесткам возвратиться в родительские дома (по LXX, слав., «дом отца своего», но евр., рус.: «дом матери своей» – указание на особенное значение матери в первобытном строе жизни, ср. [Быт. 24:28](#); [Песн. 3:4](#))⁴; отец, по крайней мере, Руфи был жив еще тогда ([Руф. 2:11](#)). Вся вообще речь Ноемини и ответы невесток открывают существование таких отношений между ними и свекровью, которые могут быть названы не иначе как идеальными. С твердой верой в промысел Божий (вера эта проходит через всю нить повествования книги Руфь) Ноеминь выражает признательность невесткам своим за их добрые отношения к умершим мужьям и свекрови, желает им милостей Иеговы, высказывая, таким образом, веру, что сила и действие Иеговы не ограничиваются пределами Израиля и его земли, а простираются и на другие народы, на весь мир и великодушно советует им вступить в новые браки, желая «покоя» (евр. «menuchah», ст. 9) им в домах будущих мужей (ср. [Руф. 3:2](#)).

[Руф.1:10](#). и сказали: нет, мы с тобою возвратимся к народу твоему.

Однако Руфь и Орфа выражают желание следовать за любимой свекровью в Иудею.

[Руф.1:11](#). Ноеминь же сказала: возвратитесь, дочери мои; зачем вам идти со мною? Разве еще есть у меня сыновья в моем чреве, которые были бы вам мужьями?

[Руф.1:12](#). Возвратитесь, дочери мои, пойдите, ибо я уже стара, чтоб быть замужем. Да если б я и сказала: «есть мне еще надежда», и даже если бы я сию же ночь была с мужем и потом родила сыновей, –

[Руф.1:13](#). то можно ли вам ждать, пока они выросли бы? можно ли вам медлить и не выходить замуж? Нет, дочери мои, я весьма сокрушаюсь о вас, ибо рука Господня постигла меня.

В ответной речи Ноеминь выходит из того древнееврейского воззрения, что высшее назначение и счастье женщины – быть матерью (ср. [Быт. 24:60, 30:1](#)) и, кроме того, имеет в виду древнееврейский же (встречающийся и у других народов – индийцев, персов, черкесов и др.) обычай левиратного брака ([Быт. 38:7–11](#); [Втор. 25:5–10](#); ср. И. Флавия Иудейские Древности IV, 8, 23, ср. [Руф. 4:10](#)). С этой точки зрения следование невесток за Ноеминью признается ею бесцельным: у нее нет и не будет сыновей, которые бы могли заменить для Руфи и Орфы умерших Махлона и Хилеона, так что нет для них надежды в Израиле; однако, по словам Ноемини, ее собственное положение все же более горько (евр. *mar*, ст. 13), чем их, ибо они потеряли только мужей и могут иметь надежду на новые супружества, она же лишилась мужа, детей, имущества и притом не имеет в виду лучшего будущего: видимо, ее «постигла (карающая) рука Иеговы» (ст. 13).

[Руф.1:14](#). Они подняли вопль и опять стали плакать. И Орфа простилась со свекровью своею [и возвратилась к народу своему], а Руфь осталась с нею.

[Руф.1:15](#). [Ноеминь] сказала [Руфи]: вот, невестка твоя возвратилась к народу своему и к своим богам; возвратись и ты вслед за невесткою твоею.

Увещания Ноемини подействовали на Орфу, и она, убоявшись, может быть, ожидающих ее в обществе Ноемини лишений, предпочла возвратиться «к народу своему и к своим богам» (ст. 15), т.е. к почитанию Хамоса ([Чис. 21:29](#); [Иер. 48:13](#)) и др. моавитских божеств (по Таргуму, «к богу» – единственное число, почему некоторые древние толкователи видели здесь Истинного Бога, что, однако, неверно ввиду того, что это усвоится (ст. 16) лишь Руфи, в очевидной противоположности с Орфою (ст. 15).

[Руф.1:16](#). Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя и

возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом;

[Руф.1:17](#). и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду; пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою.

[Руф.1:18](#). [Ноеминь,] видя, что она твердо решилась идти с нею, перестала уговаривать ее.

Но совершенно обратное действие слова Ноемини произвели на Руфь. В ней заговорила теперь «крепкая, как смерть, любовь» ([Песн. 8:6](#)): из любви к Ноемини она не только обещает неотлучно сопутствовать ей во всяком месте и при всяких обстоятельствах, но и со всей силой убеждения признает народ ее – Израиля – своим народом. Бога ее (Иегову) – своим Богом, т.е., по толкованию Мидраша (s. 24), объявляет себя прозелиткой, присоединяясь и к вере, и к народности Израиля (ср. Berthofet, Stellung der Isr. u Iuden zu den Fremden, s. 28). Только смерть может разлучить ее с Ноеминью, но все же прах обеих должен лежать в одной гробнице. Все это Руфь утвердила клятвенным выражением (обычным в книгах Царств, напр., [1Цар. 3:17, 14:44, 20:13](#); [2Цар. 3:35](#)), по славянскому тексту (более точно, чем русский перевод, передающему подлинный текст): «так да сотворит мне Господь, и сия да приложит». Тогда Ноеминь оставила свои увещания, молчаливо согласившись с нею.

[Руф.1:19](#). И шли обе они, доколе не пришли в Вифлеем. Когда пришли они в Вифлеем, весь город пришел в движение от них, и говорили: это Ноеминь?

[Руф.1:20](#). Она сказала им: не называйте меня Ноеминью*, а называйте меня Марою**, потому что Вседержитель послал мне великую горечь;

[Руф.1:21](#). я вышла отсюда с достатком, а возвратил меня Господь с пустыми руками; зачем называть меня Ноеминью, когда Господь заставил меня страдать, и Вседержитель послал мне несчастье?

Прибытие Ноемини в Вифлеем после десятилетней отлучки, притом без мужа и сыновей, естественно, произвело впечатление в немногочисленном, конечно, населении, и особенно женщины с удивлением говорили (евр. tomarnah, женского рода): ужели это Ноеминь? (греко-славянский перевод точнее, чем Vulg.: «haec, est illa Noemi» и русский). Еврейск. Marah, арамейск. op. Mara (LXX: Πικρά, Vulg. Amara, слав. «Горька»), родственное имени Мария, противоположно по значению имени Noemi, и эта противоположность выражена Ноеминью в

применении к обстоятельствам ее жизни и страданиям по воле Вседержителя (евр. Schaddai).

[Руф.1:22](#). И возвратилась Ноемиль, и с нею сноха ее Руфь Моавитянка, пришедшая с полей Моавитских, и пришли они в Вифлеем в начале жатвы ячменя.

Прибытие Ноемини и Руфи в Вифлеем имело место «в начале жатвы ячменя», или вообще жатвы (так как ячмень поспевает в Палестине раньше пшеницы) – около половины апреля (см. Ed. Robinson, Palastina 2 Bd., s. 504, 522, 597, 620, 668) или около времени Пасхи (Таргум: «при наступлении дня Пасхи»), на второй день которой приносился в святилище первый сноп жатвы ячменя ([Лев. 23:10–11](#)); ср. Midr. 31. Дата прибытия может (по связи с последующим; гл. II-III) давать мысль о близости помощи Божией обеим женщинам: жатва дала повод для проявления милости Божией им через Вооза.

Глава 2

Руфь собирает колосья на поле Вооза.

[Руф.2:1](#). У Ноемини был родственник по мужу ее, человек весьма знатный, из племени Елимелехова, имя ему Вооз.

Вводится в повествование новое лицо – родственник покойного Елимелеха и, следовательно, Ноемини (евр. modá, LXX: γνώριμος, слав.: «муж знаемый» – собственно «знакомый», но ввиду принадлежности его к племени Елимелеха – «родственник», – как в русском, ср. [Руф. 3:2](#)). Вооз (евр., Voaz; LXX: Βοοζ; Vulg. Booz). Еврейское написание имени одинаково с названием одной из медных колонн, поставленных Соломоном в притворе храма – Воаз ([3Цар. 7:21](#); [2Пар. 3:17](#)); значение имени передается двояко: 1) «в нем – крепость» (bo и az), или 2) от арабского корня «ловкость, подвижность» (Гезениус). В том и другом случае Воозу приличен эпитет «isch gibborchail» (Vulg. homo potens, слав.: «муж же силен», русск.: «человек весьма знатный»), обычно обозначающий человека богатого ([1Цар. 9:1](#); [4Цар. 15:20](#)) или мужественного, храброго, доблестного героя ([Суд. 6:12, 11:1](#); [3Цар. 11:28](#); [Неем. 11:14](#)).

[Руф.2:2](#). И сказала Руфь Моавитянка Ноемини: пойду я на поле и буду подбирать колосья по следам того, у кого найду благоволение. Она сказала ей: пойдя, дочь моя.

[Руф.2:3](#). Она пошла, и пришла, и подбирала в поле колосья позади жнецов. И случилось, что та часть поля принадлежала Воозу, который из племени Елимелехова.

Руфь спешит помочь тяжелому положению, в котором оказались обе женщины по прибытии в Вифлеем. Древнееврейский обычай, санкционированный законом ([Лев. 19:9–10, 23:22](#); [Втор. 24:19](#)), предоставлял в пользу бедных, между прочим, известную часть нивы, оставляемую недожатой, забытые снопы и упавшие при сборе колосья. Руфь пользуется этим правом, может быть, не зная его законной санкции, а просто надеясь на человеческую доброту жнецов и хозяев; к счастью, «случайно» (евр. midreh, Vulg. accidit: понятие «случая» чрезвычайно редко в библейском словоупотреблении и мировоззрении, принадлежа более язычникам, напр., [1Цар. 6:9](#)) она попадает на ниву Вооза, где и начала подбирать колосья за жнецами.

[Руф.2:4](#). И вот, Вооз пришел из Вифлеема и сказал жнецам: Господь с вами! Они сказали ему: да благословит тебя Господь!

Приветствие Вооза жнецам напоминает приветствие Ангела Гедону ([Суд.6:12](#)), ответное приветствие жнецов ему близко к благожеланию при жатве в [Пс. 128:8](#). Приветствие Вооза и ответ жнецов рисуют привлекательную простоту и сердечность отношений господина и слуг.

[Руф.2:5](#). И сказал Вооз слуге своему, приставленному к жнецам: чья это молодая женщина?

[Руф.2:6](#). Слуга, приставленный к жнецам, отвечал и сказал: эта молодая женщина – Моавитянка, пришедшая с Ноеминой с полей Моавитских;

[Руф.2:7](#). она сказала: «буду я подбирать и собирать между снопами позади жнецов»; и пришла, и находится здесь с самого утра доселе; мало бывает она дома.

На вопрос Вооза о Руфи приставник дает ответ для нее благоприятный: указание на самоотверженную преданность ее Ноемини и чрезвычайное ее трудолюбие.

[Руф.2:8](#). И сказал Вооз Руфи: послушай, дочь моя, не ходи подбирать на другом поле и не переходи отсюда, но будь здесь с моими служанками;

[Руф.2:9](#). пусть в глазах твоих будет то поле, где они жнут, и ходи за ними; вот, я приказал слугам моим не трогать тебя; когда захочешь пить, иди к сосудам и пей, откуда черпают слуги мои.

Это располагает Вооза в пользу Руфи, и он разрешает ей постоянный сбор колосьев исключительно на его поле, поручая ее охране служанок и ограждая от обид со стороны жнецов (ср. [Руф. 2:14–15](#)).

[Руф.2:10](#). Она пала на лице свое и поклонилась до земли и сказала ему: чем снискала я в глазах твоих милость, что ты принимаешь меня, хотя я и чужеземка?

[Руф.2:11](#). Вооз отвечал и сказал ей: мне сказано все, что сделала ты для свекрови своей по смерти мужа твоего, что ты оставила твоего отца и твою мать и твою родину и пришла к народу, которого ты не знала вчера и третьего дня;

[Руф.2:12](#). да воздаст Господь за это дело твое, и да будет тебе полная награда от Господа Бога Израилева, к Которому ты пришла, чтоб успокоиться под Его крылами!

[Руф.2:13](#). Она сказала: да буду я в милости пред очами твоими, господин мой! Ты утешил меня и говорил по сердцу рабы твоей, между тем как я не стою ни одной из рабынь твоих.

Здесь в одинаковой степени привлекательны как смиренная признательность Воозу Руфи, все оставившей на родине ради Израиля и Бога его и не притязавшей на благодеяния в Израиле (ст. 10, 13), так и

доброта и благочестие Вооза, проникнутого верой в особенный промысел Иеговы о Израиле (как бы крыльями осеняющего и защищающего народ свой, ср. [Втор. 32:11–12](#) и [Пс. 35:8, 56:2, 90:4](#)), не оставляющий без памяти и всякого, надеющегося на Него ([Пс. 90:1](#)), не исключая и «пришельца во вратах Израиля» ([Втор. 14:29](#)), – принимающего жертву бескорыстной преданности Руфи Ноемини в качестве великого богоугодного поступка, достойного самой полной и совершенной награды от Бога, и готового послужить орудием милости Божией к бедной женщине (ст. 11–12). «Благословение сие (Вооза Руфи) исполнилось, потому что прияла она полную мзду от Господа, сделавшись праматерью Благословения народов» (Блаженный Феодорит, с. 315).

[Руф.2:14](#). И сказал ей Вооз: время обеда; приди сюда и ешь хлеб и обмакивай кусок твой в уксус. И села она возле жнецов. Он подал ей хлеба; она ела, наелась, и еще осталось.

Характерно изображение трапезы восточного простолюдина. Обед состоит из кусков хлеба, обмакиваемых в уксус (евр. *chomez* – питье, употребительное на Востоке в знойное время и теперь, несмотря на ограничения запрещением вина у мусульман), к этому присоединяется *kalı*, греч.: ἄλιτον, слав.: «пряжмо» – сушеные зерна (ср. [Лев. 23:14](#)).

[Руф.2:15](#). И встала, чтобы подбирать. Вооз дал приказ слугам своим, сказав: пусть подбирает она и между снопами, и не обижайте ее;

[Руф.2:16](#). да и от снопов откидывайте ей и оставляйте, пусть она подбирает [и ест], и не браните ее.

Беседа с Руфью, видимо, еще более возвысила ее в глазах Вооза, и он делает новые распоряжения жницам о содействии бедной женщине в сборе хлеба; но и теперь, как ранее, еще не упоминает о родстве своем с покойным мужем Руфи. Последнее открывает ей уже Ноеминь по возвращении ее вечером первого дня сбора хлеба на полях Вооза (ст. 20).

[Руф.2:17](#). Так подбирала она на поле до вечера и вымолотила собранное, и вышло около ефы ячменя.

[Руф.2:18](#). Взяв это, она пошла в город, и свекровь ее увидела, что она набрала. И вынула [Руфь из пазухи своей] и дала ей то, что оставила, наевшись сама.

Размер дневного сбора ячменя Руфи, вымолоченного ею в поле же, равнялся ефе, евр. *ephā*, LXX: οἴφι (οἴφει), Vulg.: *ephi*, слав.: «ифи»; мера эта, по Иудейской традиции (Midrasch, s. 42), равнялась трем сатам (Vulg. *tres modii*); по И. Флавию (Ant. VIII, 2, 9), 72 секстарам или 1 аттич. метρητής.

[Руф.2:19](#). И сказала ей свекровь ее: где ты собирала сегодня и где

работала? да будет благословен принявший тебя! [Руфь] объявила свекрови своей, у кого она работала, и сказала: человеку тому, у которого я сегодня работала, имя Вооз.

[Руф.2:20](#). И сказала Ноеминь снохе своей: благословен он от Господа за то, что не лишил милости своей ни живых, ни мертвых! И сказала ей Ноеминь: человек этот близок к нам; он из наших родственников.

[Руф.2:21](#). Руфь Моавитянка сказала [свекрови своей]: он даже сказал мне: будь с моими служанками, доколе не dokonчат они жатвы моей.

[Руф.2:22](#). И сказала Ноеминь снохе своей Руфи: хорошо, дочь моя, что ты будешь ходить со служанками его, и не будут оскорблять тебя на другом поле.

Обилие собранного Руфью хлеба (ст. 17), остатки обеда, ею принесенные (ст. 18), наконец, сообщение имени Вооза (ст. 19), – все это немедленно вытесняет из сердца благочестивой Ноемини прежнюю горечь ([Руф. 1:13, 20](#)) и исторгает у нее слова благодарения Иегове и благословения Воозу (ст. 20); теперь же она сообщает Руфи о родстве Вооза. И дальнейшее сообщение Руфи о милостивом разрешении Вооза быть все время жатвы со слугами его (ст. 21) могло теперь же побудить Ноеминь подумать об устройении судьбы невестки (ср. [Руф. 3:1](#)).

[Руф.2:23](#). Так была она со служанками Воозовыми и подбирала [колосья], доколе не кончилась жатва ячменя и жатва пшеницы, и жила у свекрови своей.

В течение всей жатвы (ячменя и затем через недели 2–3 пшеницы), т.е. около 3-х месяцев (Midrasch, s. 44), Руфь работала на полях Вооза, живя у Ноемини. В Вульгате последние слова ст. 23, гл. 2: «vatteschv et – chamotag» («жила у свекрови») отнесены к ст. 1, гл. III, начинающейся в Вульгате: «postquam autem reversa est ad soream suam».

Глава 3

Руфь просит у Вооза брака во имя закона ужичества.

[Руф.3:1](#). И сказала ей Ноеминь, свекровь ее: дочь моя, не поискать ли тебе пристанища, чтобы тебе хорошо было?

Ноеминь начинает хлопотать об устройении судьбы Руфи, о доставлении ей того «покоя» (евр. *manoach*), которого она давно желала обоим невесткам ([Руф. 1:9](#), *menuchah*), – супружества и жизни под защитой мужа.

[Руф.3:2](#). Вот, Вооз, со служанками которого ты была, родственник наш; вот, он в эту ночь веет на гумне ячмень;

[Руф.3:3](#). умойся, помажься, надень на себя [нарядные] одежды твои и пойди на гумно, но не показывайся ему, доколе не кончит есть и пить;

[Руф.3:4](#). когда же он ляжет спать, узнай место, где он ляжет; тогда придешь и откроешь у ног его и ляжешь; он скажет тебе, что тебе делать.

Ноеминь намерена устроить брак Руфи с Воозом на основании закона родства или ужичества (ср. [Чис. 27:1–11, 36:1–9](#)), – так называемый брак левиратный (ср. [Втор. 25:5–10](#)), от которого, по ее мнению, Вооз не должен был отказываться (юридически) и не мог сделать этого (нравственно) ввиду известного обращения с Руфью (гл. II). Мера для сближения с Воозом, указанная ею Руфи, всецело отвечает правовым и нравственным понятиям древнееврейского уклада жизни, санкционированным законом, и никоим образом не может быть оцениваема с точки зрения европейских христианских понятий. (Ср. блаженного Феодорита, вопр. 2 на кн. Руфь: «Иные порицают и Ноеминь и Руфь, первую за то, что внушила, а последнюю за то, что послушалась и исполнила, т.е. спала у ног Воозовых»). Хотя буква закона ([Втор. 25:5–10](#)) не говорит прямо об обязанности других родственников – не братьев – восстанавливать семя бездетно умершему путем левиратного брака, однако дух закона, без сомнения, налагал эту обязанность и на них, хотя позднейший буквализм раввинов не распространял этой обязанности даже на брата, родившегося после смерти умершего бездетным братом его (Мишна, Иевамот II, 1–2).

Веяние хлеба в Палестине (ст. 2) в древности и теперь происходит перед вечером, так как около 4-х часов пополудни обычно дует благоприятный для сего ветер с Средиземного моря (W. Nowack, *Hebraische ArshaoIogie*, Bd, I, leipzig. 1894, S. 233–234). – Омовение,

умащение тела и возложение торжественных одежд (вместо, вероятно, «одежды вдовства» (ср. [Быт. 38:14](#)); по Мидрашу, S. 44, Руфь надела одежды субботние или праздничные), – эти действия Руфи по совету Ноемини аналогичны приготовлениям невесты к браку (ср. [Иез. 16:9–13](#)) и в данном случае были рассчитаны произвести наиболее выгодное впечатление на Вооза. Той же цели имело служит, по мысли Ноемини, свидание Руфи с Воозом после трапезы последнего, когда «развеселится сердце его» (ст. 7), т.е. в хорошем расположении его духа.

[Руф.3:5](#). [Руфь] сказала ей: сделаю все, что ты сказала мне.

[Руф.3:6](#). И пошла на гумно и сделала все так, как приказывала ей свекровь ее.

Руфь, чувствуя материнскую любовь и жизненную опытность в совете Ноемини, в точности исполняет последний.

[Руф.3:7](#). Вооз наелся и напился, и развеселил сердце свое, и пошел и лег спать подле скирда. И она пришла тихонько, открыла у ног его и легла.

При патриархальной простоте жизни богатство и именитость Вооза не мешали ему непосредственно участвовать в полевых и иных хозяйственных работах, а равно и самому же ночью сторожить на гумне хлеб в снопах и зерне. Источник веселья Вооза Мидраш (S. 45) указывает в благодарственной молитве, совершенной им после пищи. Когда он уснул, то Руфь, согласно наставлению Ноемини (ст. 4), легла у ног его, как бы всецело отдавая себя воле и покровительству Вооза.

[Руф.3:8](#). В полночь он содрогнулся, приподнялся, и вот, у ног его лежит женщина.

[Руф.3:9](#). И сказал [ей Вооз]: кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя, прости крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник.

Когда, в полночь, проснувшийся Вооз заметил присутствие вблизи себя женщины и спросил ее об имени, то Руфь, назвав себя, именуется собой рабой Вооза – в смысле нуждающейся в милости и защите Вооза и затем просит его: «прости крыло твое на рабу твою, потому что ты родственник» (евр.: *goel*, LXX: ἀρχιστεὺς ἀρχιστευτής). «Простереть крыло» на женщину (ср. [Иез. 16:8](#)) – общеизвестный не только у древних евреев, но и у арабов (Iacob. Studien en arab. Dichtern III, 58) символ не просто защиты вообще (как в [Руф. 2:12](#)), но прямо супружества, брака; просьба о последнем мотивируется Руфь: ибо ты родственник – *goel* – лицо, в силу родственной близости имеющее не только право, но и обязанность оказать всякое материальное, моральное и подобное содействие родственной, так или иначе пострадавшей, семье ([Лев. 25:25–26](#); [3Цар. 16:11](#) и др.); по отношению к бездетной вдове родственника – обязанность взять ее в жены

(ср. ст. 13). В отличие от собственно левиратного брака в первоначальном, древнем смысле этого института, согласно которому в этой стране восстанавливалась семья, имя или дом умершего ([Быт. 38:7–11](#); [Втор. 25:6, 9](#)), в словах Руфи ст. 9 и во всем последующем повествовании кн. Руфь (см. [Руф. 4:3–5](#)) имеется в виду видоизмененная форма левирата в комбинации с законом сохранения уделов в пределах каждого колена ([Чис. 27:1–11, 36:1–9](#)), причем требование «восстановления семени умершему» ([Быт. 38:7–11, Втор. 25:5–6](#)) отступило назад: Вооз, женившись на Руфи, созидал дом собственный, а не воссозидал дом Махлона ([Руф. 4:11–13](#)), так что и рожденный им от Руфи Овид именовался сыном первого ([Руф. 4:21](#)), а не последнего.

[Руф.3:10](#). [Вооз] сказал: благословенна ты от Господа [Бога], дочь моя! это последнее твоё доброе дело сделала ты ещё лучше прежнего, что ты не пошла искать молодых людей, ни бедных, ни богатых;

[Руф.3:11](#). итак, дочь моя, не бойся, я сделаю тебе все, что ты сказала; ибо у всех ворот народа моего знают, что ты женщина добродетельная;

Вооз со всей искренностью отзывается на доверчивое движение души бедной женщины; как отец дочь, благословляет он Руфь и восхваляет, находя, что эта решимость её искать покровительства у престарелого Вооза (по Мидрашу, с. 47. Воозу в это время было 80 лет), минуя молодых людей, есть такое «доброе дело» (евр. *chesed* точнее, чем в русском переводе передается, в славянском: «милость», Vulg. «*misericordia*»), которое по достоинству превосходит «прежнее» доброе дело, т.е. самоотверженное оставление родного дома и родины ради любви к Ноемини ([Руф. 1:16, 2:17](#)), – превосходит, поскольку в последнем отношении она действовала все же сообразно с естественными склонностями сердца, в отношении же Вооза она руководилась чувством долга и внушением благочестия, наперекор влечениям и симпатиям женского сердца к юным избранникам⁵. Успокаивая дрожавшую от страха Руфь, Вооз обещает исполнить всякую её просьбу, касающуюся принадлежащего ей по праву, – конечно, уже не как моавитянка, а как член израильской общины, в которую Руфь вступила ([Руф. 1:16, 2:12](#)) и по законам которой она действует. Это последнее и вообще высокое достоинство Руфи, как «жены добродетельной» («*escheth-chail*», ср. ([Притч. 31:10](#)); LXX: *γυνὴ δυνάμεως*, Vulg. *mulier virtutis*, слав.: «жена силы» – все более точный перевод еврейский сравнительно с русским переводом), свидетельствует, по словам Вооза, общее мнение о ней его соотечественников, жителей Вифлеема; («все ворота», евр. *kol-schaar* – весь город, поскольку ворота в городе были сборным пунктом населения

его по общественным делам, тяжёлым, судебным ([Втор. 25:7](#); [Ис. 29:20–21](#); [Притч. 22:22](#) и др.); LXX: Παῦα φυλή μου, слав.). Такое суждение Вооза о нравственном достоинстве Руфи весьма важно для предупреждения и устранения ошибочных, чуждых данной эпохе и среде, суждений о том же предмете.

[Руф.3:12](#). хотя и правда, что я родственник, но есть еще родственник ближе меня;

[Руф.3:13](#). переночуй эту ночь; завтра же, если он примет тебя, то хорошо, пусть примет; а если он не захочет принять тебя, то я приму; жив Господь! Спи до утра.

[Руф.3:14](#). И спала она у ног его до утра и встала прежде, нежели могли они распознать друг друга. И сказал Вооз: пусть не знают, что женщина приходила на гумно.

Расположенный к Руфи и готовый вступить с нею в брак, зная, равным образом, что и она желает брака именно с ним, Вооз, однако, настаивает, что это несомненное право Руфи должно быть осуществлено законным, формальным путем, что необходимо всенародно ([Руф. 4:2](#)) предложить взятие Руфи более близкому родственнику ее, чем Вооз. Мидраш (s. 47) и раввины (Раши и др.), стоя на букве закона и полагая, что левиратный брак обязателен был лишь для брата умершего, называет этого предполагаемого брата Махлона – Тов (понимая слово *tob* (ст. 13) в смысле собственного имени), но последнее должно быть отнесено на счет простой раввинской изобретательности: в [Руф. 4:1](#) родственник Руфи не назван по имени (на что обращал внимание уже Абен-Езра). Руфь должна была спать на гумне Вооза до утра, именно до наступления полного рассвета (ст. 13–14): Вооз не отослал ее тотчас же ночью, с одной стороны, чтобы не возбудить в ней подозрения в нежелании Вооза исполнить просьбу Руфи, с другой – предотвратить возможную опасность для Руфи при возвращении ночью, со стороны ночных сторожей (ср. [Песн. 5:7](#)); рано же, до рассвета, Руфь должна была оставить гумно Вооза потому, что «благоразумие требовало остерегаться всяких сплетен, совершенно не имевших под собою основания» (Иосиф Флавий Иудейские Древн. V, 9, 3).

[Руф.3:15](#). И сказал ей: подай верхнюю одежду, которая на тебе, поддержи ее. Она держала, и он отмерил [ей] шесть мер ячменя, и положил на нее, и пошел в город.

Может быть, этой благоразумной заботой о доброй репутации – своей и Руфи, а не одним расположением и попечением о пропитании Руфи и Ноемини (ст. 17) вызван был дар Вооза Руфи – 6 мер (неопределенной величины) ячменя, всыпанных им Руфи в полотно и взваленных на плечи.

Давая Руфи эту ношу, с какой люди привыкли уже видеть Руфь, Вооз устранял подозрение, какое могло явиться у всех знавших Руфь, в ранний час возвращающуюся от Вооза; устранить же эти подозрения было тем необходимее, что по иудейскому традиционному праву, при наличии этих подозрений, он не мог бы и жениться на Руфи: «если кто подозревается в сношениях с нееврейкой, то, хотя бы она обратилась в еврейство, он не должен на ней жениться» (Мишна, Иевамот II, 8, ср. Тосеф. 4, 6). Мидраш понимает 6 мер ячменя, данных Воозом Руфи, аллегорически: о шести или восьми потомках Руфи, наделенных 6-ю наивысшими качествами: Давиде, Езекии, Иосии, Анании, Азари, Мисаиле, Данииле и Мессии (S. 52). – Вместе с Руфью в город, может быть, пошел и Вооз (но Vulg. видит в заключительных словах ст. 15 речь только о Руфи: *ingressa est civitatem*; женский род *tabo* вместо принятого мужского рода *iabo* имеют, впрочем, и многие кодексы еврейских текстов у Кеникотта Росси, напр., №№ 1, 47, 76, 93, 100 и др.). По Мидрашу (S. 52), Вооз шел вместе с Руфью, охраняя ее от нападений молодых людей.

[Руф.3:16](#). А [Руфь] пришла к свекрови своей. Та сказала [ей]: что, дочь моя? Она пересказала ей все, что сделал ей человек тот.

[Руф.3:17](#). И сказала [ей]: эти шесть мер ячменя он дал мне и сказал мне: не ходи к свекрови своей с пустыми руками.

[Руф.3:18](#). Та сказала: подожди, дочь моя, доколе не узнаешь, чем кончится дело; ибо человек тот не останется в покое, не кончив сегодня дела.

Смысл вопроса Ноемини к возвратившейся Руфи Мидраш (S. 52) передает; «свободная ли ты еще или уже принадлежишь мужу?», на что Руфь ответила: «я – свободная». Принесенный Руфью запас ячменя – дар Вооза – еще более утверждает Ноеминь в доверии расположению его к Руфи, и она советует ей оставаться дома (в качестве обрученной Вооза) в твердой надежде на скорое, в тот же день, и точное решение участи Руфи Воозом, который до окончания дела не успокоится: «у благочестивых «я» всегда «я» и «нет» – «нет», – замечает Мидраш (S. 58).

Глава 4

1–12. Торжественное принятие Воозом обязательств относительно удела Ноемини и Руфи и брака с последней. 13–17а. Брак Вооза и Руфи и рождение у них сына Овида. 17b-22. Родословие Давида.

[Руф.4:1](#). Вооз вышел к воротам и сидел там. И вот, идет мимо родственник, о котором говорил Вооз. И сказал ему [Вооз]: зайди сюда и сядь здесь. Тот зашел и сел.

[Руф.4:2](#). [Вооз] взял десять человек из старейшин города и сказал: сядьте здесь. И они сели.

Желая скорее устроить дело Руфи (см. [Руфь 3:18](#)), Вооз рано утром приходит на площадь у городских ворот – обычное в городах Востока место всех общественных собраний ([Быт. 19:1](#), [Пс. 68:13](#)), торговых сделок ([Быт. 23:10–13](#), [16](#), [18](#)) и покупок ([4Цар. 7:1](#)), судебного разбирательства ([Втор. 16:18](#), [21:19](#)), в частности, касательно левиратного брака – в случае отказа деверя от этого брака ([Втор. 25:7](#)). Сюда Вооз пригласил и родственника (goel) Ноемини и Руфи, о котором Вооз упоминает в разговоре с последней ([Руф. 3:12](#)); обращение Вооза к этому родственнику выражено неопределенным выражением евр. «*re'om almoni*» (по Мидрашу, S. 53, – невежда в законе, не знавший, что запрещение [Втор. 23:3](#) относится только к мужчинам моавитянам, а не к женщинам), соответствующим греч.: δεινα, слав.: «онсице» ([Мф. 26:18](#)) – «такой-то». Возможно, что этот необходимый для решения дела человек нарочито был приглашен Воозом (так передает И. Флав. Иудейские Древн. V, 9, 4), как нарочито были приглашены им и свидетели из старейшин (о старейшинах в Вифлееме упоминается далее в истории Самуила ([1Цар. 16:4](#))) – в количестве десяти, какое число в Иудейском предании считалось минимальным для богослужебного собрания (см. Таргум иерус. на [Исх. 12:4](#)), как и для всякого общественного дела ([1Цар. 25:5](#)). И. Флавий (цит. м.) говорит, что Вооз позвал к воротам города и Руфь, но это не подтверждается библейским текстом и даже, пожалуй, противоречит ([Руф. 3:18](#)) (ср. наше замечание к этому месту).

[Руф.4:3](#). И сказал [Вооз] родственнику: Ноеминь, возвратившаяся с полей Моавитских, продает часть поля, принадлежащую брату нашему Елимелеху;

[Руф.4:4](#). я решил довести до ушей твоих и сказать: купи при сидящих здесь и при старейшинах народа моего; если хочешь выкупить,

выкупай; а если не хочешь выкупить, скажи мне, и я буду знать; ибо кроме тебя некому выкупить; а по тебе я. Тот сказал: я выкупаю.

[Руф.4:5](#). Вооз сказал: когда ты купишь поле у Ноемини, то должен купить и у Руфи Моавитянки, жены умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить имя умершего в уделе его.

[Руф.4:6](#). И сказал тот родственник: не могу я взять ее себе, чтобы не расстроить своего удела; прими ее ты, ибо я не могу принять.

«Достоин удивления разговор с ближайшим родственником. Не прямо повел он речь о браке, но заговорил о приобретении полей. Потом, когда с удовольствием принял тот предложение сие, Вооз присовокупил слово и о браке, сказав: справедливость требует вступающему во владение полей после умершего взять себе и жену его и чадорождением сохранить память скончавшегося; но тот по причине брака отрекся и от предлагаемых полей» (блаженный Феодорит, стр. 317). Благоразумно и тактично также Вооз, начиная речь об уделе покойных Елимелеха и сыновей (ст. 3), называет только Ноеминь, не упоминая пока о Руфи, – «Ноеминь... продает», с евр.: «продала» (makeah, LXX: δέδοται Νωεμειν, слав.: «дадеса Ноемине», Vulg. vendet Noemi), т.е. по возвращении из Моавитской страны, или же это было сделано Елимелехом при удалении туда ([Руф. 1:1–2](#)); так или иначе, по закону (ужичества) – о не отчуждаемости уделов от колена в колена ([Чис. 27:1–11, 36:6–9](#)), проданный было Ноеминью участок Елимелеха должен был быть выкуплен кем-либо из близких родственников его, по [Лев. 25:15](#), каких в данном случае оказывалось лишь два: не названный по имени и Вооз⁶. Первый, выразивши было согласие выкупить удел Ноемини (ст. 4), тотчас же отказался от этого, как скоро услышал об обязанности брака с Руфью (ст. 5): может быть, его отклоняла суеверная боязнь вдовы Махлона (подобную боязнь выразил, по [Быт. 38:11](#), Иуда относительно Фамари после смерти двух мужей – ее сыновей Иуды, ср. [Тов. 3:7–8, 6:14–15](#)), хотя сам он указывает другую причину отказа – боязнь расстройства его собственного удела (ст. 6); Мидраш (S. 53–54), как уже сказали, видит здесь следствие невежества его в законе и опасения нарушить последний браком на моавитянке (ср. [Втор. 23:3](#)).

[Руф.4:7](#). Прежде такой был обычай у Израиля при выкупе и при мене для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому, [который принимал право родственника,] и это было свидетельством у Израиля.

[Руф.4:8](#). И сказал тот родственник Воозу: купи себе. И снял сапог свой [и дал ему].

Упоминаемый здесь обычай снятия сапога одним и передачи его

другому И. Флавий (Иудейские Древн. V, 9, 4) несправедливо отождествляет с законом и обрядом так называемой (доселе существующей у евреев) халицы (от еврейского глагола chalaz, разувать)^Z или освобождения деверя от обязанности левиратного брака с невесткой ([Втор. 25:9–10](#)). Смысл, цель и обстановка обряда в том и другом случае различны: в первом случае (как здесь, [Руф. 4:8](#)) имеющий право собственности сам отрекался от нее и символически выражал это передачей сапога (символ владения, [Пс. 59:10, 107:10](#)), тогда как «халица» совершалась самой невесткой, получившей отказ в браке от деверя: она снимала у него сапоги и плевала ему в лицо ([Втор. 25:9–10](#); И. Флав. Иудейские Древн. IV, 8, 23), что было позором для «разутого» (chaluz) на всю жизнь.

[Руф.4:9](#). И сказал Вооз старейшинам и всему народу: вы теперь свидетели тому, что я покупаю у Ноемини все Елимелехово и все Хилеоново и Махлоново;

[Руф.4:10](#). также и Руфь Моавитянку, жену Махлонову, беру себе в жену, чтоб оставить имя умершего в уделе его, и чтобы не исчезло имя умершего между братьями его и у ворот местопребывания его: вы сегодня свидетели тому.

Теперь Вооз уже свободно и со всей решительностью берет на себя обязательство как выкупа удела, так и брака с Руфью. «Достойны удивления в сказанном и благочестие и точность. Не нарушаю, говорит, закона тем, что беру в жену моавитянку; напротив того, исполняю Божественный закон, чтобы память умершего сохранилась не угасшею» (блаженный Феодорит, с. 318). Впрочем, в последующих родословиях ([Руф. 4:21](#); [1Пар. 2:12](#); [Мф. 1:5](#); [Лк. 3:32](#)), рожденный от брака Вооза и Руфи Овид называется сыном Вооза, а не Махлона: благочестие Вооза сделало его достойным занять место в родословной Давида и Иисуса Христа преимущественно пред Махлоном.

[Руф.4:11](#). И сказал весь народ, который при воротах, и старейшины: мы свидетели; да соделает Господь жену, входящую в дом твой, как Рахиль и как Лию, которые обе устроили дом Израилев; приобретай богатство в Ефрафе, и да славится имя твое в Вифлееме;

[Руф.4:12](#). и да будет дом твой, как дом Фареса, которого родила Фамарь Иуде, от того семени, которое даст тебе Господь от этой молодой женщины.

Старейшины и народ не только свидетельствуют и подтверждают легальность объявленного Воозом брака, но и благословляют предстоящий брак с упоминанием дорогих всем евреям имен праматерей их Рахили и

Лии (первой называется Рахиль, как любимая жена Иакова, ср. [Быт. 29:31, 48:7](#) и др.). Сомнительно предположение блаженного Феодорита (там же), будто эти слова благословения дают мысль, что у Вооза была и другая жена. Упоминание о Фаресе (ср. [Быт. 38:29, 46:12](#)) тем более уместно, что с него начинается (ст. 18) родословие Вооза.

[Руф.4:13](#). И взял Вооз Руфь, и она сделалась его женою. И вошел он к ней, и Господь дал ей беременность, и она родила сына.

Благословение Божье на браке Вооза и Руфи сказалось беременностью последней и рождением сына, который вифлеемскими женщинами, конечно, не без участия родителей, назван был Овидом (ст. 17), с евр. *obed* – служащий, т.е. Богу и людям.

[Руф.4:14](#). И говорили женщины Ноемини: благословен Господь, что Он не оставил тебя ныне без наследника! И да будет славно имя его в Израиле!

[Руф.4:15](#). Он будет тебе отрадою и питателем в старости твоей, ибо его родила сноха твоя, которая любит тебя, которая для тебя лучше семи сыновей.

[Руф.4:16](#). И взяла Ноеминь дитя сие, и носила его в объятиях своих, и была ему нянькою.

Смысл имени объясняется в этих заключительных стихах, почти исключительно посвященных Ноемини, некогда по воле промысла Божия имевшей испытания ([Руф. 1:13, 20](#)), а ныне судьбами того же промысла получившей великое утешение – близкого родственника (*gël*), отраду и питателя – в Овиде. «Сие по буквальному разумению означает утешение Ноемини, по самой же истине – обращение вселенной. Ибо отсюда процвело спасение вселенной» (блаженный Феодорит, с. 319).

[Руф.4:18](#). И вот род Фаресов: Фарес родил Есрома;

[Руф.4:19](#). Есром родил Арама; Арам родил Аминадава;

[Руф.4:20](#). Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона;

[Руф.4:21](#). Салмон родил Вооза; Вооз родил Овида;

[Руф.4:22](#). Овид родил Иессея; Иессей родил Давида.

В родословии этом возможно предположить пропуски отдельных имен и поколений: трудно допустить, чтобы на протяжении почти тысячелетия от Фареса до Давида сменились лишь 9–10 поколений (ср. [1Пар. 2:9–15](#)). Но мессианская идея, выразившаяся как в этом родословии (ср. [Мф. 1:3](#); [Лк. 3:31–33](#)), так и в изображаемом книгой Руфь вступлении язычницы в церковь ветхозаветную, сообщает всей книге Руфь великую важность⁸.

Профессор Киевской духовной Академии, магистр богословия,

священник А.[А. Глаголев](#).

Примечания

В новое время, между другими, известный историк еврейской литературы Густав Карпелес признает, что «рассказ о Руфи» (т. е. книга Руфь) с самого начала входил в книгу Судей (составляя заключительную часть ее повествований), и что только впоследствии книга Руфь подверглась отделению от нее и включению в состав агиографов. Г. Карпелес. История еврейской литературы. Перев. под ред. А. Я. Гаркави Т. I. СПб. 1896, с. 41 и 50. Но легче понять обратное – перенесение кн. Руфь из ряда агиографов в раздел исторических книг, чем предполагаемое здесь искусственное отделение части (рассказ Руфи) от целого (кн. Судей) с произвольным перенесением первой в 3-ю часть ветхозаветного канона

Проф. А. А. Олесницкий. Руководственные о священном писании
Ветхого и Нового Завета сведения из творений отцов и учителей Церкви.
Спб. 1894 г., с., 43

W. Nowack. Richter-Ruth. 1909, s. 186. Ср. проф. И. О. Мухина. Состояние Палестины и Финикии в XV веке до нашей эры... Киев, 1899 г., с. 35

Многие библеисты критического направления (напр., Smend, Nowack, Benzinger) признают так называемый матриархат или матриархальную эпоху, предшествовавшую, будто бы, патриархальной: если в последнюю заправляющее значение в семье имел отец, то в первую – исключительно мать. Но Библия не знает такой культурно-исторической ступени развития семьи и общежития, а просто признает факт изначального высокого значения матери в семье патриархальной наряду с первенствующим значением отца-патриарха (ср., напр. [Быт. 16:1](#), 21 и др.). Мидраш (ч. 21) в пояснение выражения «дом матери» (ст. 8) говорит: «язычник не имеет отца»

«Поступком своим, – поясняет слова Вооза Руфи (ст. 10) блаженный Феодорит, – показала ты, что не вожделению поработившись сделала сие: иначе бы пошла к юновозрастным, рассуждая не о богатстве, не о нищете, а только об удовлетворении сластолюбия. Напротив того, пришла ты к человеку, который по летам может быть тебе отцом. Ибо сие означает слово «дщи» (Отв. на 2 вопр. на кн. Руфь, с. 316–317)

Право Ноемини или собственно Руфи продать участок умершего мужа подтверждает Талмуд говоря: «ожидающая деверя получила имущество: школы Шаммая и Гиллеля согласны в том, что она продает и дарит, и сделка действительна». Мишна. Иевамот IV, 8 (рус. перев. Н. Переферковича. Спб. 1900 г., с. 38)

Акт халицы и порядок ее помещены в прибавлении к русскому переводу тр. Иевамот (Спб. 1900 г), с. 103–109

Не лишено значения то обстоятельство, что кн. Руфь издревле читается у евреев в праздник Пятидесятницы – праздник не только жатвы (о которой говорится в книге), но и дарования закона на Синае, который, по Мидрашу, был возведен всем народам, но не был ими принят. Новозаветная Пятидесятница, сменившая Ветхозаветную, есть праздник излияния Духа Божия на всякую плоть ([Иоил. 2:28](#); [Деян. 2:17](#)). Область Мааха лежала на севере Заиорданской страны при подошве Ермона ([Втор. 3:14](#); [Нав. 13:13](#)).

*

Приятная

**

Горькая